

Ольга Зверлина

Волшебное дуновение

16+

Ольга Зверлина
Волшебное дуновение

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Зверлина О.

Волшебное дуновение / О. Зверлина — «ЛитРес: Самиздат»,
2011

Какой выбор сделать, если ценой твоего дарования становятся жизнь и смерть? Как поступить, если внезапно ты перестал быть самим собой? И так ли уж обязательно следовать строгим правилам общества, чтобы стать счастливым? На эти и на другие вопросы ответит вам небольшой сборник сказок для взрослых: он о маленьких чудесах мира, о волшебстве. В нём есть и городские волшебные истории, и театральные. А некоторые сказки можно читать всей семьёй, удобно устроившись на диване долгим зимним или осенним вечером...

Содержание

От автора	5
Ротбур-рисовальщик	6
Человек-Свинья	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

От автора

Добрые читатели!

Эта небольшая книга сказок собиралась потихоньку, год за годом, и предназначена она не для маленьких детей, а для людей взрослых. Ведь бывают же такие взрослые, которым нравятся именно сказки и всякие занимательные истории? А в этом сборнике они есть.

Впрочем, некоторые сказки вы можете читать и вместе с детьми, всей семьёй – такие, как «Суфлёрушко, театральная домовая», «Лепушок» и «Замарашек».

Но не будем забегать вперёд – вас ждёт книга.

Иллюстрации сделаны самим автором, поэтому не судите строго – мне всего лишь хотелось набросать лица своих героев такими, какими они мне казались. И возможно, в будущем эту книгу проиллюстрирует другой художник, умелый рисовальщик. Только пусть сначала прочтёт первую сказку сборника, посвящённую именно рисовальщикам.

А пока – переворачивайте страницу...

Ротбур-рисовальщик

рисовальная сказка

Руки у Ротбура были странные, бледные; пальцы длинные, узловатые, каждый – точно сам по себе.

– Быть тебе, детка, музыкантом, – кивала, ласково поглаживая его ладони, старая подслеповатая тётка.

А он стал рисовать. Взял как-то обломок карандаша, заскрипел-зашуршал по бумаге. И родился из хаоса быстрых штрихов и точек насупленный тёткин кот.

Соседи так и ахнули – талант! Надо мальчика учить, говорят. А чему тут учить, когда руки сами на бумажном листе живой мир творят?

И Ротбур рисовал – рисовал всем, что под руку попадётся: и углём, и мелком, и даже обгоревшей спичкой. Сперва – несмело: в тетрадках – на полях, на пустых коробках, на обоях. А порой – и на старых билетах.

Ему не было тесно: за постепенно проясняющимся «глазком» маленького рисунка Ротбура виделся огромный мир. Целый мир, скрытый от других. Рисовальщик лишь открывал в него окошечко.

А однажды, как в омут с головой, нырнул он в белую пустоту настоящего альбомного листа – и победил, разогнал эту пустоту, населил деревьями, сонными травами и чуткими тонконогими конями. Потом были ещё рисунки: большие, крошечные, быстрые, разные – ещё, ещё...

Он размышлял, рисуя – грустил, радовался, любил. Чему уж тут учиться?

Перед его рисунками люди замирали, ничего не говорили, долго разглядывали. Ротбур-рисовальщик разговаривал с ними на своём языке, он точно видел душу предметов, душу зверей, людей – то, чего не видят глаза. Он рисовал не вещи, а жизнь, наполняющую их – жизнь деревьев, цветов, птиц.

Жизнь озёр, камней и домов.

Жизнь облаков и ветра.

Просто жизнь.

Он переносил её на холст и бумагу.

И вдруг оказалось, что всё, что запечатлела стремительная рука Ротбура – умирает. Заснул навсегда насупленный тёткин кот. Поникла, опустила ветки прекрасная липа под окном. Завяли нежные цветы в старинном городском парке, высохла тихая речка, на берегу которой проводил рисовальщик так много дней с блокнотом и карандашом. Упала вдруг замертво потешная ворона, всякий день прилетавшая за кусочками хлеба на его балкон.

Потом подошла очередь соседской собаки.

Затем умер друг рисовальщика, единственный друг.

А потом – и старая тётка Ротбура, вся его крошечная семья.

По городу поползли слухи... Поговаривали, что Ротбур продал душу нечистой силе – потому так и хороши его рисунки! Рисовальщика стали сторониться, люди в панике бежали от него: все боялись попасть ему «на карандаш».

Его стали звать Ротбур Проклятый.

Ротбуру было страшно.

Сначала он перестал рисовать людей, зверей.

Потом перестал рисовать вовсе.

Он слонялся ночью по спящим улицам, прятался в дебрях заросшего парка. А всё вокруг манило его, пробуждая чуткое воображение. Тонкие изгибы цветов, струение мокрых ветвей, трепетные лунные тени – всё так и просилось на бумагу. Просилось, чтобы умереть.

Ротбур-рисовальщик понял вдруг, что отвечает за целый мир, за жизнь всего, что его окружает. Но он не в силах охранять эту жизнь – он может лишь забирать её.

Тогда-то и явилась ему тёмная дева.

Прекрасная Дева-Смерть.

– Я давно слежу за тобой, – сказала она, – мой талантливый юный собрат! Я даже чуточку завидую тебе: ты возвёл наше ремесло в ранг подлинного искусства. Ты убиваешь так прекрасно!

– Я не хочу никого убивать, – возразил Ротбур, – я просто художник. Я умею лишь рисовать – в этом вся моя жизнь.

– Да, ты отнимаешь жизни – в этом твоё ремесло, – страшновато усмехаясь, кивнула Дева-Смерть, – так же, как и моё, как и моё! Мы можем стать прекрасной парой: Смерть и её верный мастер.

– Нет, мы не будем парой, – ответил Ротбур. – Я больше не буду рисовать. Никогда. Ни за что. Уходи.

– Ты горько пожалеешь об этом, – разгневалась Дева-Смерть. – Я покидаю тебя, жалкое слабое создание! Но, уходя, я лишаю тебя моего благословения! Ничто отныне не прервёт твоей невыносимой жизни. Ты будешь жить вечно. Вечно, вечно, несчастный рисовальщик! Ты ещё измучаешься этой вечностью. Прощай.

И Смерть оставила его.

Он больше не рисовал. Но люди всё равно сторонились Ротбура.

И он покинул родные места...

* * *

Долго скитался Ротбур, уже не рисовальщик, по лесам, полям и бесконечным дорогам, писал в деревнях вывески и объявления, белил потолки, красил заборы и стены – и этим зарабатывал себе на кров и кусок хлеба.

Однажды дорога привела его в тихий зелёный городок у подножия древних гор. Уютные домики утопали здесь в ароматных цветах и травах, весело журчала на камнях хрустальная горная речка.

Только люди в этом городке были грустные.

– Отчего на ваших лицах печаль? – спросил Ротбур у владельца местной гостиницы.

– Над нами витает смерть, – тяжело вздохнул хозяин, – она подстерегает нас каждый день, каждый час, каждое мгновение. В здешних горах водится страшный оборотень, который пожирает людей. По ночам он неслышно спускается в долину, чтобы схватить очередную жертву. Люди боятся собственной тени, боятся темноты, боятся просто выходить из дому. Никто из нас не знает, удастся ли дожить до утра. Путники обходят эти места стороной, моя гостиница давно пустует. И ты, странник, если дорожишь своей жизнью, уходи поскорее!

– Я не боюсь смерти, – ответил Ротбур. – Я с ней знаком.

Он снял комнату, поужинал и лёг спать.

Ночью его разбудил пронзительный крик.

Ротбур вскочил, метнулся к окну, и его зоркие глаза рисовальщика разглядели во мраке нечто громадное и тёмное, скользнувшее за стеклом, под замершими деревьями.

Как ледяная бездна вмиг разверзлась перед Ротбуром ненасытная душа оборотня.

Наутро в доме напротив нашли истерзанное тело аптекаря.

Теперь Ротбур знал, что ему нужно делать.

Он попросил у хозяина гостиницы карандаш и листок бумаги, закрылся в своей комнате и впервые за много дней начал рисовать.

Никогда не приходилось рисовальщику погружаться в столь отталкивающее, нестерпимо кошмарное – от напряжения его кожа покрылась мурашками, скулы свело...

Но пальцы отчаянно стискивали карандаш. И вели, вели его по листу...

Художник рисовал оборотня.

На бумаге оживало жуткое одинокое существо, несущее только ужас и смерть, ужас и смерть – неотвратимую гибель всему живому. Так же, как и он, несчастный рисовальщик.

Но, в отличие от Ротбура, оборотень не владел собой, не мог остановиться.

Его переполняла жажда убийства – он жил чужой смертью.

Когда рисунок был закончен, Ротбур отнёс его хозяину гостиницы.

– Вам больше нечего бояться, – сказал рисовальщик. – Ваш оборотень теперь мёртв.

Глядя на пугающую картинку, хозяин лишь с сомнением качал головой.

Но с этого дня оборотень действительно исчез.

И городок вздохнул свободно...

* * *

Так Ротбур нашёл в своём призвании новый смысл.

Он продолжал скитаться по миру, но теперь рисовальщик больше не бежал от самого себя и своего рокового дара. Теперь он искал зло. Он рисовал зло.

Чтобы уничтожить его и победить смерть.

И тогда тёмная дева вновь явилась к нему.

– Ты обманул меня, ловкий рисовальщик, – усмехнулась она, – но напрасно ты встал на моём пути! Не надейся, я не сниму своего проклятия: тебя никогда не коснётся моя благословенная рука! Ты будешь вечно скитаться по жизни, и эта вечность не отпустит тебя. Я буду забирать твоих друзей, твоих возлюбленных, твоих детей – ты будешь страдать одиноко, страдать всегда – вечно, вечно!

Всё было так, как она и обещала: мир вокруг Ротбура менялся, словно калейдоскоп – полыхали войны, свергались правители, уходили друзья, умирала любовь – а он всё жил и жил, потеряв счёт годам. Жил, бесконечно рисуя зло, бесконечно борясь с неистощимой на выдумки Смертью.

Один, всегда один.

И однажды Ротбур понял, что невыносимо устал, что захлебнулось в океане боли его измученное сердце – ведь он был всего лишь человеком.

И тогда он нарисовал самого себя.

Это был его последний рисунок – ведь всё, что рисовал Ротбур, умирало.

И с окончательным точным штрихом, оставленным на бумаге, жизнь покинула рисовальщика. Только тогда в его комнату вновь вошла тёмная дева.

– Ты опять сумел обмануть меня, хитрый рисовальщик, – сказала Дева-Смерть, глядя в его застывшее спокойное лицо. – Впрочем, я не в обиде.

А с портрета на неё смотрел живой Ротбур.

Он улыбался.

Человек-Свинья

питерская городская сказка

Он чавкал.

Он ронял макароны с тарелки. И бутерброды – маслом вниз.

Он крошил на пол хлеб и печенье. И обязательно проливал на скатерть томатный сок. И чай. И даже кофе.

Он швырял в окно кости и яблочные огрызки. Он кидал обёртки и пустые бутылки прямо на тротуар. И плевал под ноги семечки и ореховую скорлупу. Он просто плевался.

И всюду, всюду бросал окурки.

– Вот свинтус! – возмущались люди, глядя ему вслед. – Просто свинтус какой-то!

Но больше всего он любил опрокидывать урны и мусорные бачки. Глядя на рассыпавшийся мусор, он веселился от души. И вот как-то поздним вечером, радостно поддавая ногой очередную злополучную урну, он напоролся на тётку. Странную тётку.

Тётка уставилась прямо ему в глаза. Один глаз у неё был не по-хорошему зеленющий, а другой – какой-то неразборчивый. Она сказала страшным голосом:

– Ты – свинья!

– Нет, не свинья! – почему-то заоправдывался он. – И вообще-ка, тётка, отвяжись...

– Нет, ты – свинья, – повторила странная тётка, – свиньёй же тебе и быть!

И такая непонятная злая сила была в этих тёткиных словах, что он весь съёжился, испуганно зажмурился и рухнул на тротуар. А когда открыл глаза, никакой тётки рядом уже не оказалось.

– Это Антипкина была, с Лиговки, – склонился над ним сердобольный старичок, позвякивая мешочком с пустыми бутылками. – Крепко злоязыкая баба! Ой, парень, а что у тебя с лицом-то?

Старичок отшатнулся, затряс бутылками и, испуганно оглядываясь, засеменял прочь.

Боясь шевельнуться, он тупо глядел вслед старичку, пока тот совсем не скрылся за углом. Оставшись в одиночестве, он осторожно поднёс руку к лицу, коснулся своего носа – и вздрогнул: вместо носа нащупал он что-то шершавое, продолговатое и тупое. Он вскочил – и обнаружил вдруг, что ноги его стали странно короткими. Да и руки тоже. Путаясь в брюках, в ужасе рванулся он к ближайшей ларёчной витрине – и в рыжем свете фонаря увидел жуткое своё отражение: из заляпанного стекла вместо человеческого лица таращилась на него свиная морда.

Сбылось тёткино пророчество. Он сделался Человеком-Свиньёй.

Потом он долго бежал, крался тёмными переулками, прячась от прохожих. Одна мысль всё не давала ему покоя: а может ли он ещё говорить по-человечески? Но он боялся открыть рот – говорить с самим собой было страшновато. Наконец решившись, приблизился Человек-Свинья к пьяному, одиноко дремавшему на пустой трамвайной остановке и, запинаясь, спросил:

– Давно... давно трамвая ждёте?

О счастье! Он мог – он мог говорить!

Пьяный вздрогнул и, вскинув голову, тупо уставился на Человека-Свинью. Внезапно глаза его радостно прояснились.

– Хо! Хрюша пришёл! – икнул пьяный. – Спокойной ночи... алкаши! Ну и нахрюкался же я сегодня!

Наконец Человек-Свинья решил пойти домой.

Долго ковырялся он ключом в замочной скважине, но дверь всё не открывалась. Ему пришлось позвонить.

– Кто та-ам? – спросила за дверью зевающая невестка.
– Это я как бы, – неуверенно ответил Человек-Свинья.
– Вот свинья! Всё шляешься по ночам, покою нету, – заворчала невестка, лязгая засовом – и вдруг взвизгнула: она увидела Человека-Свинью.

Тыча в него пальцем, невестка пронзительно визжала, загораживая дверь.

На шум прибежали брат Николай и сонный дылда-племянник.

– Пошёл вон, образина, а то в ментуру сдадим, – мрачно пообещал брат Николай.

– Николай, братан, это же я! – вскрикнул в отчаянии Человек-Свинья. – Это тётка Антипкина с Лиговки так меня уделала! Я же это! Смотри: вот и куртка моя, и паспорт вот новый, вместе же получали! Я брат же твой!

Брат Николай схватил Человека-Свинью за шиворот, вздёрнул и прокричал в самое отвислое его ухо:

– Брат?! Я тебе покажу брата, свиномордия! Нету у меня братьев среди хряков!

И спустил Человека-Свинью с лестницы, обидно запустив вслед старой, со школы ещё, облезлой лыжей.

Так Человек-Свинья остался на улице. Искать его никто не стал. Брат с невесткой быстренько поделили его вещи и спрятанную в старой печной отдушине долларовую записку, а на работе, в рыбной компании, его просто уволили за прогулы.

Он стал никем.

Сначала от Человека-Свиньи все шарахались, но потом понемногу стали привыкать – люди ко всему привыкают. Одинокие старушки, подкармливая кошек, вздыхали и совали ему кусок-другой; прохожие называли его «свиным рылом», просили хрюкнуть и потом, ухмыляясь, бросали монетки, а иногда – и помятые сторублёвики. Он спал на лестницах, рылся в помойках и очень тосковал по прежней своей достойной жизни.

Теперь он мог свинячить, сколько душе угодно. Но ему почему-то не хотелось.

Понемногу его жизнь наладилась. Он устроился на работу приёмщиком стеклотары, там и прозвище новое получил – Свиной. Почти фамилия.

Зарабатывал он неплохо, даже женился.

– С лица воду не пить, – говаривала его жена, крепкая одноглазая Надя. – Главное, чтобы человек был хороший.

И отбирала у него всю зарплату.

По ночам, когда жена вмертвую засыпала, полюбил слоняться Человек-Свинья по таинственному тёмному городу, подкарауливая в пустых переулках припозднившихся прохожих. Возникая внезапно из-за угла перед онемевшим человеком, наслаждался он изумлением и ужасом в чужих глазах, странной своей пугающей исключительностью, короткой мгновенной властью над посторонней перепуганной душой.

Глядя вслед убегающему в ужасе незнакомцу, Человек-Свинья ликовал.

А потом почему-то плакал.

И душа его разрывалась от необъяснимой тоски.

Но вот однажды, промозглым осенним вечером, напоролся он на Кота.

Человека-Кота.

Они столкнулись нос к носу у заколоченного ларька. Человек-Свинья испуганно вздрогнул, Человек-Кот – нет.

– А-а-а! – ухмыльнулся Человек-Кот. – Нашего полку, значит, прибыло! Пошли, пошли к нам, корешок.

Он долго, молча вёл Человека-Свинью подворотнями, проходными дворами, гаражами и заброшенными стройками – и привёл наконец в подвальчик разрушенного дома, где-то на островах.

Здесь, при свете тусклого фонаря, сидели на ящиках перед покосившимся столом Человек-Индюк, Человек-Крыса и Девушка-Корова. Они дружно выпивали.

– О! Да вы из наших будете! – приветливо пробасила Девушка-Корова навстречу вошедшим. – Присаживайтесь – и расскажите нам всё.

Человек-Свинья всё и рассказал – о себе, об ужасной тётке Антипкиной. Собеседники грустно кивали: оказалось, что Антипкину знают здесь все.

– И мы через неё, морду, пострадали, – всхлипнула Девушка-Корова, кивая на Человека-Кота. – Вот Котя расскажет.

И Человек-Кот поведал, как жил он с этой самой тёткой Антипкиной в законном браке целых пять с довесочкой лет – женился как-то сдуру, по молодости. Правда, отличалась его вторая половина сильно нехорошим языком: кому чего плохого пожелает, то непременно и сбудется. Но он ничего, жил с ней, как все, по-человечески: и погуливал, конечно, но и домой дорогу не забывал. «Гуляка ты, – ворчала жена, – бабник проклятуций! Ни одной юбки не пропустишь! Погоди-погоди, поймаю, допрыгаешься у меня!»

А он не принимал всерьёз её угрозы – ишь, напугала!

Но вот однажды застучала его жена дома в неурочное время – да не одного, а с подругой. Рассвирепела Антипкина ужасно, но кричать, драться не стала, а говорит страшно так: «Кот ты мартовский, как есть – кот. И девка твоя – корова глупая». Повернулась – и вышла.

Посмеялись муж с подружкой над её словами, а как глянули друг на друга – так и онемели: лишила их злая баба человеческих лиц!

А Человек-Крыса прежде был у них соседом по коммуналке. Как раз попался он Антипкиной под горячую руку, когда, по обыкновению своему, подслушивал под её дверь. «Ах ты, крыса, – только-то и буркнула она, – крыса противная! Крысиная твоя морррда!»

Этого ему и хватило.

Зато Человек-Индюк был уж тут вовсе ни при чём. Просто поднимался он по лестнице, когда вылетела разъярённая Антипкина из своей квартиры. Налетела она на него, да как гаркнет: «Ишь растопырился на всю лестницу, пройти нельзя! Индюк! Индюк!»

И стал он, правда, индюком.

Позже все они встретились, нашли друг дружку, зажили новой своей непростой жизнью. Пытались поначалу, конечно, вернуть прежний привычный облик: к колдунам, экстрасенсам всяким бегали – и к Феклисте, и к Гуру Бен-Магусу, и к знаменитому Вове с Нарвского, и даже к самому Визарду. Да никто им так и не помог. «Ищите, – советовали колдуны, – того, кто вам понавредил. Может, передумает, снимет колдовство».

Но Антипкина с прежней квартиры съехала и как сквозь землю провалилась: сколько ни искали её потом – не нашли.

Так и потеряли они всякую надежду стать прежними, человеческими. Мало-помалу устроились на работу – кто куда: Девушка-Корова стала славной дояркой, коровы её просто обожали; Человек-Кот нанялся танцовщиком в ночной клуб, а Человек-Индюк и Человек-Крыса – охранниками в банк.

– И ты, Свиной, не надейся, – посоветовали товарищи по несчастью, – свыкнись – и так живи. А мы тебе поможем, поддержим.

В подвальчике наступила тишина. Все сидели молча: каждый думал о своей нелёгкой судьбе.

Молчал и Человек-Свинья. Впервые он оказался среди своих, впервые в жизни. Даже раньше, когда он ещё просто был человеком, не довелось ему испытать такой доверительной

близости, такого тёплого чувства родства и покоя. Перед ним были люди – такие, каковы они на самом деле: люди с настоящими открытыми лицами.

– Нет, – сказал наконец Человек-Свинья, – я её найду, тётку Антипкину. И себя, и вас, товарищи, спасу. Найду. Из-под земли её, ведьму, достану!

И стал он Антипкину искать. Всю Лиговку исходил, да заодно – и пол-Питера. Воздух нюхал, у людей спрашивал, читал разные объявления.

Помог ему случай.

Как-то в пятницу два грузчика буднично матерились, шумно забивая фургон стеклотарой. И вдруг явственно прозвучало: «Антипкина». Человек-Свинья вздрогнул, прислушался.

– Вот, – ворчал грузчик Вова Кучерявый, – всё вдребезги, блин-тын-тын! Машина набок, блин-тын-тын – и всё в хлам! Колян, правда, цел, чего ему, Коляну-бормоту, сделается. А убытку, блин, всю на него повесили. Верняк, её работа, её – Антипкиной! Так ведь и говорила она ему, Коляну-то: «Чтоб ты перевернулся!» Я сам слышал, блин. Ведьма она!

– Да, – вздыхал второй грузчик, тяжело звякая ящиком, – бывает же!

Человек-Свинья рванулся к грузчикам:

– А какая Антипкина? Не с Лиговки ли?

– Да нет, с Лесного, блин-тын-тын, тутошня. Коляна, водилы нашего, соседка. Что, Свиной, никак – и твоя знакомая?

– Знакомая, – нехорошо ухмыльнулся Человек-Свинья. – Давно свидеться желаю...

Оказалось, что живёт теперь Антипкина неподалёку, на Лесном проспекте, в угловом жёлтом доме – где-то с полгода живёт. Рассказывают, что с Васькиного острова переехала по обмену, что нигде она подолгу не задерживается из-за нехорошего своего языка.

– Ты её легко найдёшь, – охотно объяснял Вова Кучерявый. – Она на лестнице, блин, теперь одна осталась. Все соседи от неё разбежались со страху. По родственникам, блин, живут. Только Колян ещё хорохорился, петухом ходил, да и он теперь к тётке разлюбезной съедет, блин-тын-тын, после такого случая. Так что тебе, Свиной – зелёная улица! Похрюкайте-ка вместе!

Грузчики заржали, а Человек-Свинья опрометью кинулся на Лесной проспект.

Ноги сами привели его к нужному дому. Дом темнел окнами, точно нежилой. В нахлынувших осенних сумерках лишь одно оконце скучно светилось линиями шторой. Человек-Свинья поднялся по вымершей разбитой лестнице, глубоко вдохнул – и толкнул незапертую дверь.

Антипкина сидела в комнате, спиной к двери.

Он сразу узнал её.

Она сидела у выключенного телевизора и что-то бормотала.

Человек-Свинья осторожно приблизился.

– Ти-ихо, – покачиваясь, бормотала Антипкина, – ти-и-ихо как... Все пришипилась – боятся меня. Пусть боятся!

Она захихикала, затрясла головой и, не оборачиваясь, спросила:

– Тебе чего, Колян? Извиняться пришёл? Пшёл вон! Не прощу.

Человек-Свинья сглотнул и ответил:

– Я не Колян. Посмотри на меня.

Антипкина медленно обернулась, так медленно и жутко, как это бывает только в кошмарном сне, сверкнула зеленоватым глазом – и вдруг рассмеялась громко и оскорбительно.

– Свинячее рыло! Это ты, свинячее рыло! – всё приговаривала она, тыча в непрошеного гостя жёлтыми пальцами. – Надо же! Здравсьте, пожаловал!

– Заткнись! – рявкнул Человек-Свинья. – Заткнись! И слушай меня!

Антипкина, сражённая внезапной его смелостью, замолчала.

– Я пришёл к тебе спросить, – сказал Человек-Свинья, – я долго тебя искал. Скажи мне: почему ты делаешь такое с людьми?

– А я и сама не знаю, – призналась вдруг Антипкина. – Дар у меня такой, особельный. Чего плохого в сердцах пожелаю – то и сбудется. Сила великая во мне!

– Отчего же ты не желаешь людям хорошего? – тихо спросил Человек-Свинья.

– Хорошего? А за что это им – хорошего? – искренне изумилась Антипкина. – Сволочи же все!

– Так уж и все? – удивился Человек-Свинья. – Неужели же нет никого, кто был бы тебе дорог?

– Все! – тряхнула головой Антипкина. – И подружки-стервочки, и муженёк мой бывшенький, и соседи-паразиты, и торговки ларёчные, и менты поганые, и...

– А дети? – с надеждой перебил её Человек-Свинья. – Ты и детей не любишь?

– Да за что их-то любить? – зевнула Антипкина. – Мелочь пузатая, хулиганы! Понавырастают из них те же сволочи... И ты, свинячее рыло... Шёл бы ты отсюда, пока я совсем не рассердилась, а то, гляди, хуже будет.

– Нет, хуже уже не будет, – покачал головой Человек-Свинья. – Значит, помочь мне ты не захочешь...

– Не то что – не захочу, а не положено мне, – гордо объяснила Антипкина. – Дар мой особенный – только на плохое устроен. Никому вам от меня халявы не будет.

Человек-Свинья задумался – и тут внезапная мысль озарила его уродливую голову.

– А знаешь, – сказал он, – я ведь познакомился с твоим мужем.

Антипкина насупилась.

– И с девчонкой его, – продолжал Человек-Свинья. – Они ведь живут счастливо! Ты очень им помогла. И мне помогла, и Человеку-Крысе, и даже Индюку! Ты показала нас настоящими, и люди нас приняли такими. У нас у всех хорошая работа, мы крепко дружим, мы счастливы – и это всё благодаря тебе. Такое тебе и не снилось! Нам всем уже нечего бояться, совсем нечего – вот какая у нас теперь сила! А ты сидишь тут одна в пустом доме, и никто тебя не любит. И не полюбит! Так и сдохнешь одна!

Антипкина побагровела, вскочила и с кулаками стала наступать на Человека-Свинью.

– Ах, вот вы как? Дружите? – завопила она. – Гадины! Хорошо живётся вам, морды противные?! Ну погодите! Да чтоб вам всем... Да чтоб...

Антипкина запнулась – она выдумывала кару пострашнее.

И вдруг затряслась от мелкого мстительного смеха.

– Да чтоб вы все обратно стали прежними, – пронзительно выкрикнула она. – Чтобы всё счастье ваше у вас поразвалилось! Никому вам от меня халявы не будет! Да чтоб... да чтоб...

Тётку прямо распирало от желания выдумать ещё что-нибудь особенно пакостное, она аж побагровела вся. И тут раздался мерзкий треск. Это Антипкина лопнула от злости.

Человек-Свинья крепко зажмурился от гадкого зрелища, выскочил в коридор, скатился с лестницы и, выбив плечом входную дверь, со всех ног помчался к Финляндскому вокзалу. Сердце его бешено стучало. Наконец он остановился, тяжело дыша.

– Чего, мужик, на пожар что ли? – поинтересовался проходящий мимо лихой дядька с перевязанными коробками. – Гляди, мотор-то заклинит.

Человек-Свинья махнул рукой: проходи, мол, дядя, чего скалиться.

И тотчас он сообразил, что дядька назвал его мужиком, а не свиным рылом, как водится.

Человек-Свинья осторожно поднёс руку к лицу.

Он нащупал прежний свой нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.